

Ольга
Черенцова

ТРОЕ В КОММУНАЛКЕ

Женские истории

Ольга Львовна Черенцова
Трое в коммуналке
Серия «Женские истории
(Центрполиграф)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70387897

ISBN 978-5-227-10525-7

Аннотация

В одной квартире живут три женщины – три поколения: бабушка, ее дочь Наталья, известная актриса, и внучка Вероника – вполне успешная художница. У всех есть взаимные претензии, но бабушка и внучка дружат, а Наталья держится отстраненно. Ника гордится талантливой матерью и страдает от ее холодности, ей хочется домашнего тепла и понимания. Неудачный любовный роман усугубляет ее душевное состояние. Но жизнь на этом не кончается, и все еще будет – настоящая любовь, дружба, встреча с отцом и примирение с матерью...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

61

Ольга Черенцова

Трое в коммуналке

© Черенцова О. Л., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

* * *

У окна сидела девушка с обритой по бокам головой и черным хохолком на макушке. Худощавая, с заостренным носом, с длинной шеей и пучком волос, она походила на цаплю. Есть у меня привычка сравнивать людей с животными и птицами. Попивая что-то оранжевое из бокала – то ли сок, то ли коктейль, девушка-цапля посматривала в мою сторону. Наблюдает за мной?

Моя подруга Нора посмеивается, что я фантазерка и сама за всеми наблюдаю. Доля правды в ее словах есть. Я ловец: везде выискиваю персонажей для своих картин и рисунков. Мысленно фотографирую «натурщиков» на улице, в супермаркетах, в метро – везде, если вижу необычную внешность. Телефон для этого мне не нужен, зрительная память у меня хорошая, да и вряд ли кому-то понравится, что его снимает незнакомый человек.

Нестандартные внешности мне особенно интересны. Привлекательные или нет, не имеет значения. Важно, чтобы они выделялись, как эта девушка с хохолком. Я вытащила из сумки блокнот и фломастер – набросаю украдкой эскиз к ее портрету, подчеркну ее схожесть с цаплей. Это скрасит очередное бесполезное ожидание – сижу в кафе целый час и уговариваю себя, что не стоит волноваться: Стас просто запаздывает, задерживается на работе, застрял в пробке или что-то еще. Найду тысячу причин, чтобы его оправдать, хотя прекрасно знаю, в чем дело. Опять я попалась.

Перерисовать бы фломастером последние два года! Не придется больше всем врать, переживать, зря на что-то надеяться. К тому же врать нет смысла – моя мать вроде ястреба: все засекает и явно догадывается, что со мной происходит. Сказать бы ей правду: «Влипла я и ничего не могу с собой поделать», но признаться не хватает смелости. Мать меня не поймет, не утешит. Для нее это будет лишний повод меня раскритиковать и припомнить мне все мои грехи. Признание только углубит трещину в наших отношениях. Если уж исповедоваться, так лучше перед бабушкой. Она старой закалки, в прошлом учительница и, несмотря на дикую категоричность и упрямство, сопереживать умеет.

Прокручивая в сотый раз в голове, признаться или нет, я безотрывно смотрела на телефон, пытаюсь оживить его своим взглядом. Он, само собой, молчал. Всегда молчит, когда умоляешь его зазвенеть. «Стас попал в пробку», – убедила я

себя. Самообман – это типа болеутоляющего средства. Принял «таблетку» и видишь все в радужных красках. Перестает «таблетка» действовать, и возвращается боль. Самой удивительно: сознаю это, но продолжаю лечить себя иллюзиями. А ведь созрела, чтобы все обрубить и свободной шагнуть в новую жизнь. Однажды я так и сделала, но недолго продержалась – поверила лживым обещаниям Стаса.

В эту минуту я поймала нацеленный на меня взгляд девушки-цапли. Выходит, мы обе наблюдаем друг за другом. Не такая уж я фантазерка, как считает Нора. С какой стати эта девица-подросток (больше девятнадцати ей не дашь) откровенно меня разглядывает? Не буду делать эскиз, она еще заметит, а, вернувшись домой, сяду за мольберт, пока свежи в памяти все детали. Новый холст назову «Люди-птицы» и помещу девушку на заросшее озеро или на болотистое место, где обитают цапли. Тростник там живой – пробираешься сквозь его гущу, стебли тянутся к тебе, цепляются за руки, обкручивают их, могут не отпустить. Так и останется она навечно в зарослях на моей картине.

– Еще кофе? – подошел официант. Субтильный, с вытянутым лицом и прозрачными, почти как без зрачков глазами. Вылитый персонаж работ Модильяни.

– Да, пожалуйста, – кивнула я, передумав уходить. Посижу еще немного в воздушном замке, надеясь, что Стас все-таки придет, затем поеду домой, где ждет меня начатый рисунок. Завершу его сегодня. Даже в самом мерзком настро-

ении я не перестаю трудиться. Мои работы меня поддерживают. У нас взаимный обмен: я вдыхаю в них жизнь, а они – в меня. Когда накатывает мрачное настроение, смотрю на них, и легче становится. «Может, ты с ними еще и советуешься? Ну ты и сочинительница!» – смеется надо мной Нора.

– Ваш кофе, – вернулся белоглазый официант. За те несколько минут, что он отсутствовал, его зрачки совсем растворились. Он наклонился, ставя передо мной чашку, и зрачки вернулись назад.

Частично Нора права – у меня зрение художника-сюрреалиста. Такой я родилась и такой бы осталась, если бы выбрала другую профессию. Я целиком со всеми своими клеточками, косточками, сосудиками состою из слова «художник-сюрреалист». А Нора – стопроцентный реалист и считает, что фантазия – опасная штука: начинаешь верить в собственные сказки. А что касается искусства, говорит она, талантливое произведение можно создать без всякого вымысла, сама жизнь предлагает заманчивые сюжеты, и приводит в пример классиков: они не изощрялись, правдиво и блестяще отображали действительность. «Сюрреализм отжил свое», – заявляет она. «Не отжил, а принял другую форму», – возражаю я. Мы обе художницы, но наши вкусы, мнения и предпочтения противоположны. Удивительно, что мы сумели подружиться. Консерватизм сближает Нору с моей бабушкой, несмотря на разницу в возрасте в сорок пять лет.

В одном подруга ошибается – реальность от выдумки я

отличаю, с ума не сошла. Но кое в чем я с ней согласна: воображение – хитрая вещь. Поосторожнее надо с ним, оно может исказить воспоминания и даже заставить поверить в выдуманное. Все начнет переплетаться, и сам запутаешься, что было на самом деле, а что нет.

Посидев еще полчаса, я обозвала себя в очередной раз душой и, расплатившись, двинулась к выходу. Проходя мимо девицы-цапли, я украдкой глянула на нее напоследок, чтобы закрепить в памяти ее внешность. Она обернулась и посмотрела на меня с вызовом. В ее взгляде читалась неприязнь, словно мы знакомы и враждуем. Не сталкивались мы с ней где-то раньше? Девица меня насторожила. «Брось накручивать!» – одернула я себя. Опять я мысленно не выпускаю из руки фломастер и рисую. Однако девица эта крепко засела у меня в голове. Моя привычка автоматически фиксировать лица и детали бывает обременительной, хотя в работе она незаменима. Из деталей вырастает целое построение. Выдернешь из него всего одну точку – и весь замысел развалится. Любой, даже незаметный, штрих – это гвоздик в построении. Случайности – те же гвоздики, поэтому в случайности я не очень верю. За злобным взглядом девушки-цапли что-то скрывалось.

Я вышла на улицу, а там пахнет летом и воздух звенит. На небе – пусто, все облака свалились вниз и, рассыпавшись, превратились в тополиный пух. Пушинки летали по Москве, слеплялись в комки, катились по земле и, падая на деревья,

перекрашивали листья в белый цвет. Домой не поеду, вначале прогуляюсь, подтяну настроение и войду в квартиру в бодром духе – пусть напускном, зато мама с бабушкой ничего не почуют. Обманывать их с каждым днем становилось труднее. Я знала, что в конце концов я себя выдам. Врать надо искусно: помнить все мелочи, не путаться в показаниях, возводить целое «здание». Здание я могу создать только на холстах и на бумаге, а врать профессионально не умею. Вру, как любитель. Значит, попадусь.

– Где тебя носило? Трубку не берешь, – строго спросила бабушка, как только я переступила порог.

– Извини, ездила по делам, а в телефоне забыла звук включить.

Вряд ли она поверила. Я то и дело якобы забываю про звук.

Ее вопросы «Куда ходила, с кем, почему не позвонила?» меня достают, а втолковывать ей, что мне не пять лет, а двадцать шесть – бесполезно. Иногда удается ее в чем-то переубедить, но с трудом: даже если она не права, будет упираться и не сразу это признает. Со стороны можно решить, что она вроде памятника – с места не сдвинуть, и мало кто знает, что сердце у нее доброе. Человек она принципиальный и равнодушный. Близких людей никогда не оставит в беде, несмотря на разногласия, скандалы и разные мировоззрения. Семья у нее на первом месте. А у моей матери (ее дочери) на первом месте – карьера. Она настолько сконцентри-

рована на своей актерской жизни, что все остальное отошло на задний план, и семья так вообще плетется где-то в хвосте. Запутанный у матери характер: она мгновенно засекает, если мы с бабушкой чем-то подавлены, спросит для приличия, все ли о'кей, но не приласкает, не обнимет, не поддержит. Скупа на чувства, хотя мастерски умеет передавать все их оттенки на сцене. Задать бы ей в лоб вопрос: «Почему ты к нам холодна?» Раньше она была мягче и отзывчивей, а когда я подросла, резко изменилась и отстранила меня, как сделала в пору своей юности и с бабушкой. Давно собираюсь спросить, чем мы ее не устраиваем, но так и не спрашиваю.

Бытует мнение, что у детей знаменитостей счастливая судьба, все у них с колыбели складывается удачно, все двери для них открыты, беззаботное у них существование. Далеко не так: живешь в тени своих известных родителей, вечно тебя с ними сравнивают и не в твою пользу, да и не всегда знаменитости возятся со своими детьми, им не до них. Когда думаю об этом, всплывают расплывчатые воспоминания о том, что я когда-то это уже переживала: знаменитая мать, тяжелые с ней отношения, даже нечестность с ее стороны. Или это обрывки снов? Взять бы их в руки, как фотографии, рассмотреть внимательно, а то они мелькают, намекают на что-то и пропадают. Единственное, что я четко в них вижу, — это маму: такую же отстраненную, как и в жизни.

Как только я прихожу домой, наваливаются невысказанные вопросы к матери. Вся квартира ими пропитана, точно

я исписала ими стены. Не задаю их, потому что боюсь услышать не те ответы, о каких мечтаю. Слова замерзают внутри меня, и я не могу разобраться, отчего я до сих пор жду ее любви. Ждала в десять лет, в четырнадцать лет, в семнадцать, в двадцать. Стукнет пятьдесят, как ей сейчас, тоже, наверное, буду ждать. Что это: недолюбленность, инфантилизм или неуверенность в себе? Копайся не копайся, моя боль не исчезнет, а тут еще добавилась новая – Стас. И я достала из сумки телефон с надеждой, что увижу сообщение. Получается, я не лучше матери – у меня тоже путаница в чувствах. Собиралась объявить Стасу в кафе, что с меня хватит, ухожу от него, а при этом с дрожью в сердце ждала его и расстроилась оттого, что он не пришел и даже не посчитал нужным написать и извиниться. И сообщения каждую минуту проверяю. Самой противно от собственного безволия. А ведь в других случаях я далеко не безвольная.

– Не успела войти, как сразу за мобильник. Вся жизнь в этих мобильниках! – с ходу завелась бабушка и в сотый раз проворчала, что не существовало раньше никаких гаджетов, и народ жил не тужил, спокойно обходился без них, а теперь эти смартфоны, планшеты и прочие головоломки заменяют живое общение. Прогресс и все новое она не принимает, осваивает его с трудом и, хотя научилась пользоваться планшетом и с удовольствием смотрит сериалы, все равно ворчит, что в ее время было лучше. По прошлому она скучает, идеализирует его и, редактируя, перекраивает свою память.

Думаю, эта перекройка вызвана ностальгией по молодости. Тогда, как она говорит, у нее была насыщенная жизнь, а сейчас, вздыхает она (часто стала вздыхать), ничего не осталось, кроме воспоминаний. Она их бережет и живет в них.

– Времена изменились, – тоже в сотый раз ответила я. Заезженный диалог на одну и ту же тему.

– Изменились не в лучшую сторону, – подчеркнула она и спросила: – Ты в порядке? Неважно выглядишь.

– В порядке, – заставила я себя безмятежно улыбнуться.

– Опять с ним встречалась? – строго спросила она.

Я вздрогнула: неужели вычислила?

– Кого ты имеешь в виду?

– Сама знаешь кого. Негодяя. Кого ж еще?

Я успокоилась – про Стаса она ничего пока не знает.

– Сегодня я к нему не ходила, позавчера у него была и завтра пойду, – произнесла я, хотя не следовало все выкладывать, предвидя ее реакцию. – Я же просила не называть его негодяем.

– А кто он? Святой? Негодяй и есть негодяй. Зачем ты так часто к нему ходишь?

– Мне одно непонятно, ты же сама хотела, чтобы мы с ним встретились, адрес его дала, а при этом поносишь его на чем свет стоит.

– Ладно, ладно, – отмахнулась она. – Сейчас покормлю тебя. Небось с утра крошки в рот не брала.

– Мама дома?

– Дома, у себя, – буркнула бабушка и с сарказмом добавила: – Надо же, выпал день без репетиций и ресторанов!

– Давай позовем ее, – громко сказала я, чтобы мать услышала.

Стучаться к ней – бесполезно. Она выходит, только если ей что-то нужно. Наша квартира своего рода коммуналка: живем как соседи, каждая сидит в своей комнате. Две соседки (мы с бабушкой) дружим, а третья – мать – держится от нас на расстоянии.

– Чего ее звать, она нас и так слышит. Брезгует нашим обществом, – отчеканила бабушка.

Взгляд на семью у матери ненормальный, как называли бы его учителя в моей школе, если бы знали, но я, разумеется, не посвящала их в наши дела. Если для бабушки семья – это самое дорогое, что есть у человека, то с точки зрения мамы – это кандалы на ногах творческой личности. Как это она с такими представлениями умудрилась выйти замуж и меня родить! В браке она недолго побывала, развелась с моим отцом довольно быстро. Что между ними произошло, она до сих пор отказывается говорить. Зато бабушка меня просветила, а следом за ней – отец. Если бы я призналась матери (еще один от нее секрет!), что я тайно с ним вижусь, мы бы окончательно разругались. Один раз я таки решилась, но едва я заикнулась: «Хотела бы спросить тебя о моем папе...» – как мать перебила: «Не желаю слушать!» Его имя – табу в нашем доме.

С отцом я познакомилась не так давно – до этого долгое время колебалась. Раз он от меня отказался, когда я была крохой, я ему не нужна, зачем мне навязываться, но в итоге передумала. Родной же человек. «Какой он, к черту, родной, – не одобрила Нора мое решение его найти. – Он вообще тобой не интересуется. Где он, спрашивается? На кой тебе сдался дрянной папаша? Забей!» В этом она солидарна с моей бабушкой, которая называет его подлецом и негодяем. Других эпитетов для него не имелось. Так я и росла, зная, что где-то обитает негодяй-отец, с которым мне лучше не иметь никаких дел, а где именно обитает, бабушка обманывала, что понятия не имеет. В нашей семье не одна я вру.

«Почему негодяй? Что он такого ужасного сделал?» – приставала я к ней с одним и тем же вопросом.

«Спроси у Натальи», – не желала она объяснять.

Что за семейка у нас: скрытничаем, замыкаемся в себе, ничего не обсуждаем. Бред! Однако в итоге бабушка раскололась и выдала все секреты – не такие страшные, как выяснилось.

– Давай все-таки маму позовем. Наверное, она в наушниках и не слышит, – настаиваю я, заранее зная, что бабушка отрежет: «Была бы честь предложена».

– Была бы честь предложена, – отсекает она. Переступить через свою гордость выше ее сил, и она молча страдает. Однажды я застала ее в слезах. Смутившись, она быстро смахнула их с лица и выдумала, что в глаз соринка попала.

«Почему бы Наталье квартиру себе не купить или снять, если мы ей на нервы действуем? Так нет, не хочет. Жить на готовеньком проще, ей же некогда даже суп себе сварить», – постоянно ворчит бабушка.

«При чем тут суп? – защищаю я. – Мама устает, у нее спектакли, съемки. Разве нам сложно самим суп сварить?»

«Я уставала на работе не меньше, однако про семью не забывала. Наталья эгоистка!» – отсекает она.

Наша «коммунальная» троица – женщины разных поколений, с несхожими характерами и представлениями обо всем, но ведем себя одинаково: копим обиды и мучимся от этого. Бабушка сердится на маму, однако гордится, что у нее известная дочь, и хвастается перед друзьями, что не пропускает ни одного ее спектакля. Представляю их изумление, если бы они узнали, что в действительности все наоборот: на спектакли нам с бабушкой запрещено ходить, и мы, взрослые тети, слушаемся, как дети. Странно, что моя негибкая бабушка слушается.

«Меня сковывает, если в зале сидят родные, мне труднее тогда играть», – оправдывается мать, когда я бунтую, что мы имеем полное право ходить на ее спектакли. Липовая причина. Дело в другом – она нас стесняется. Знать бы почему! Знает ли мать сама? Мы с бабушкой не уродки, не алкоголички и не убогие. Заумные рассуждения матери о свободе творческой личности – это замаскированное отстранение от нас. Ну да, творчеством многое можно оправдать, – кипя-

чусь я и затеваю в уме очередной диалог с ней: говорю о наблевшем и за нее отвечаю. В жизни ей ничего не выскажешь – она оборвет и протянет с долей театральности: «Опять ты с претензиями. Никак не повзрослешь».

Она актриса и в жизни. Это ширма, за которую никому не велено заглядывать. В игре матери вне театра я вижу ненатуральность и изломанность, но, когда она на сцене, восхищаюсь. Дар перевоплощения у нее необыкновенный: меняются манеры, голос, лицо. Впечатление, что она не только внешне себя переделывает, но и свое мышление – становится другим человеком. Ей любая роль подвластна.

Когда я девчонкой сидела в зале среди влюбленных в нее зрителей, мне хотелось с гордостью крикнуть: «Это моя мамочка!» До сих пор кричу это в душе. На сцене она королева, все разногласия и обиды отступают, они ерунда по сравнению с ее игрой. В эти минуты я даже готова согласиться, что талант должен быть свободен от всего. Быт, все эти кастрюли, уборки, постирушки – не для мамы, нам с бабушкой не трудно самим это делать. У нее другое предназначение. Наверное, права Цветаева:

Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное – взято.

«Мамочка, какая же ты великолепная!» – говорю я про себя, а сказать вслух нельзя – она не выносит сентиментов.

Тем более нельзя побежать за кулисы, где она будет окружена толпой поклонников. «Не подходи!» – остановит меня ее ледяной взгляд. И я поспешно ретируюсь, чтобы никто не успел поймать направленный на меня этот взгляд. Нет, все-таки Цветаева не права.

А если мама неожиданно скажет, что была рада увидеть меня в зале, я мгновенно растаю. Стасу тоже достаточно одного слова, чтобы меня растопить. «Дурацкий у тебя характер, – ругает меня Нора. – Покруче надо быть. Он тебе морочит голову целых два года. До старости собираешься его ждать?»

Два года назад

На столе чистый лист бумаги. Его еще не коснулся кончик моего карандаша – непременно остро отточенный. Но я уже вижу на листе то, что изображу на нем. Начинать всегда волнующе – никогда не знаешь, совпадет ли полностью созданное в голове с результатом, не загубит ли все одна неправильная линия. Карандаш ведет меня по листу, словно его держит не моя, а чья-то рука, и уводит в загадочную реальность. В ней каждый зритель разглядит что-то свое, близкое ему и найдет даже то, что не вижу я. У художника тесная связь со зрителем: оба раскрывают что-то новое друг другу.

Настроение у меня теплое – под стать погоде. Закончились непрерывные дожди, очистилось от хмурости небо,

Москва ожила. День сегодня светлый и в другом смысле – иду на творческий вечер маминой приятельницы-актрисы. Билет купила тайно от матери, контрамарку у нее не попросила. Сяду подальше от всех, на задворках, надеясь, что ее зоркий глаз меня не засечет, иначе она рассердится. Если она заметит, виду не покажет, доведет с блеском свое выступление до конца, но позже отчитает, что не имела я право приходить без ее разрешения: «Ты же знаешь, что присутствие родных меня сковывает». Поначалу я сомневалась, идти ли, но пристыдила себя: веду себя как провинившаяся малолетка – боюсь маминого гнева.

Героиня вечера – талантище, одна из последних могикан. Возможно, впереди нет у нее никаких творческих вечеров, ей уже за девяносто. Не могу я пропустить это событие. Помимо этого, хочу послушать мамину поздравительную речь. Выступает она всегда с обаянием, с юмором. Буквально всех завораживает. Актриса-гипнотизер – так можно шутя сказать.

Абсурд какой-то: чтобы увидеть мать, я должна идти в театр, да еще тайком. Видимся мы редко, словно живем в разных районах. Домой она приходит поздно и напрямую направляется к себе. Если мы сталкиваемся в коридоре или на кухне, и я спрашиваю, как прошел спектакль, она скупно отвечает: «Как обычно. Падаю от усталости, завтра поговорим». Человеческого общения с ней я жду постоянно и от этого тяжело. Постоянное ожидание того, что никак не мо-

жешь получить, гнетет. Копалась я, копалась, чтобы в себе разобраться, и бросила. Дохлое это дело. Самоанализ – коварная штука. Залезешь в его дебри и такого наворишь, что совсем муторно становится. Есть какая-то грань, за которую боишься переступить или не способен переступить. Не хочешь знать правду. Это своего рода самозащита, от этого подтасовываешь причины и окончательно себя запутываешь.

Нора считает, что у меня комплекс неполноценности, и советует сходить к психологу. «Мама у тебя классная, красавица, талантливая, на ее фоне легко потеряться», – говорит она. В словах подруги мне слышится ехидство, что я не дотягиваю до маминых высот. Болезненные отношения с матерью развили во мне мнительность – всюду мерещится нелестный подтекст. Тем более что мать настоящая звезда. Правда, сияет она только на публике. Если бы ее фанаты увидели свою любимицу в домашней обстановке, приняли бы за другую женщину. Дома мать постоянно раздражена, лицо сумрачное и пустое без фирменной сияющей улыбки, с какой она выходит к людям.

Пора собираться на вечер. Но трудно оторвать карандаш от листа ватмана. Еще один штрих, еще... я глянула на часы, надо поторопиться, а то опоздаю, дам себе только пять минут поработать. Не терпелось закончить портрет незнакомца, с которым я недавно столкнулась в мамином театре. Не подозревая, что его выбрали в натурщики, он улыбнулся мне, проходя мимо. Я тотчас подобрала ему сравнение –

тигр. Уточню – белый тигр: глаза у него холодно-голубые, волосы светлые, как выгоревшие. Походка хищно-кошачья – плавная, но уверенная. Взгляд невозмутимый. Характер, похоже, непробиваемый. Мужчина – не мой типаж. Как натурщик он тоже мне не подходит: пропорциональное телосложение, правильные черты лица, никакой асимметричности или необычности, какие я ищу во внешностях. Поэтому самой непонятно, чем он меня привлек. Наверное, той силой, которая от него исходила.

Отложив, наконец, в сторону карандаш, я помчалась в театр. В фойе толпилась сборная солянка: соратники и друзья героини вечера и любители тусовок. Последних мама называет притеатральной шушерой, а порой и похлеще. Острая она на язык.

– Никочка, рада тебя видеть, – подошла ко мне ее приятельница Татьяна.

Она, как и моя мать, тоже актриса, и неплохая, но застрявшая в одном образе, переходившем из одного фильма в другой. В общении она легкая. Держится ровно. Как-то она сказала, что актриса должна быть в идеальной форме и прятать свои эмоции при любых обстоятельствах, даже если кровоточит сердце. Значит, мы с бабушкой тоже актрисы, никто не подозревает, что у нас дома творится, горько усмехаюсь я про себя.

– Ты вместе с мамой приехала? – спросила Таня.

– Нет, мы по раздельности, я моталась по делам.

Не могла же я признаться, что явилась сюда незванным гостем. О наших семейных делах я никому не рассказываю. Мать у всех на виду, и ее репутацию я должна оберегать. Завистников у нее не меньше, чем поклонников, и они рады подхватить и раздуть любую сплетню. Нора – единственная, кому я приоткрыла правду, и то далеко не всю. Вырвалось у меня в минуту слабости, хотя делилась я с ней осторожно, учитывая, как она восхищается мамой, ходит на все ее спектакли, повесила у себя дома ее фотографию. Поэтому я преподнесла все в искаженно-смягченном виде.

– Твоя мама знаменитость, у нее дел по горло, у тебя своя жизнь, у нее своя, это естественно. Это хорошо, что она не лезет к тебе. Была бы у тебя такая мать, как моя, ты бы взвыла, она мне постоянно мозги выносит, – выслушав, сказала подруга.

– Выносит? Она же в Перми.

– Трезвонит каждый день, заваливает эсэмэсками. Она кого угодно и где угодно достанет. Я игнорирую и не отвечаю.

– Ответь, она и перестанет трезвонить. Она, наверное, волнуется.

– Волнуется она! – хохотнула Нора. – Контролирует, а не волнуется!

Познакомились мы с Норой в театре. Узнав через общих знакомых, что я дочь ее любимой актрисы, она подошла ко мне. Впечатление о ней было двоякое: понравились ее мет-

кие замечания, юмор с ноткой сарказма, но оттолкнула напористость. Первое время я держалась на дистанции (маминых фанатов я сторонюсь), но постепенно мы сдружились. Общая профессия и любовь к театру нас сблизили. А первое впечатление, как обычно случается, померкло, и то, что нас сторожило в ней поначалу, не имело уже значения.

– Мама уже здесь? – спросила я Таню.

– Еще нет, я ее не видела, – сказала она и спросила, кем я работаю. Это ее коронный вопрос. Каждый раз задает его и мгновенно забывает ответ. Склерозом она не страдает, просто ответ ей неинтересен.

– Иллюстратором-фрилансером, еще делаю портреты...

К ней подскочили знакомые, и мои слова утонули в их возгласах приветствий. Придется ей опять меня спрашивать, когда снова увидимся.

Я огляделась. Народу прибавлялось, а мамы нет. Что-то случилось? Сержусь на нее, дуюсь, а при этом беспокоюсь о ней. Я вытащила телефон, подержала его в руке и засунула назад в сумку. Если наберу, она поймет, что я здесь, и разозлится. У нее заскок, что я везде ее подстерегаю, вынюхиваю, вторгаюсь на ее территорию из чистого любопытства. Не приходит ей в голову, что не лезу я, а хочу нормального общения и переживаю за нее, когда она расстроена. Она ничего мне не рассказывает, когда ей плохо, а плохо ей часто бывает, я же вижу. В последнее время особенно – ее явно что-то тяготит, а спросить нельзя. «Все у меня в порядке!» –

отбрееет она.

Вдруг я заметила в толпе незнакомца-Тигра, чей незаконченный портрет лежал у меня на столе. Наши взгляды столкнулись, и он, улыбнувшись, кивнул. Вроде вежливое, ничего не значащее приветствие, но приятно, что он меня узнал. По идее, мне должно быть безразлично, узнал или нет – самонадеянные субъекты не в моем вкусе. Однако нас объединяет общая черта – мне показалось, что он, как и я, ловец. Я ищу натурщиков, а он выискивает полезные контакты. Вряд ли он, наподобие тусовщиков, сует всем свои визитки, вон как тот парень с наколкой на шее, шныряющий по залу с пачкой своих визиток. Пробегая мимо, парень глянул на меня, оценивая, и, видимо, решив, что я контакт неважнецкий, помчался дальше. А Тигр держался с достоинством. В нем также прочитывалась амбициозность. Такие, как он, за людьми со своими визитками не гоняются. «Как это ты определила за секунду, обменявшись с ним только взглядами?» – засомневается кто-нибудь. Вот так, сама не знаю как.

В это мгновение Тигр, будто разгадав, какую я дала ему характеристику, направился напрямик ко мне. И впрямь хищник – шел он целенаправленно, приметив жертву, не спуская с меня своих прохладных глаз. Я растерялась. С одной стороны, он отталкивал своей мощью (лучше определения не подобрать), но этим и притягивал. Мужчин я на данный момент сторонилась (не отошла еще от разрыва с моим молодым человеком), знакомиться ни с кем не собиралась,

и тем более с Тигром. Притворившись, что не вижу его, я выскочила на улицу.

– Маму ждешь? До чего ж ты все-таки на нее похожа! – подошла ко мне пара ее друзей.

В юности я радовалась, когда это слышала, а сейчас нет. Не хочу никаких сравнений – я самостоятельная единица, а не мамин блеклый двойник. Пойду-ка я домой, нет смысла топтаться здесь на смех всем. И в это мгновение мать появилась. Вышла из машины с улыбкой, которую она дарила всем подряд, и каждый считал, что только ему одному послана эта улыбка. Подойти к ней и сказать, что она великолепно выглядит, я не решилась, предвидя ее реакцию. Непозволительно, говорит она, разводить при всех сентименты. Красивая, элегантная, сияя глазами, она двинулась ко входу. И вмиг потухли ее глаза, когда она меня увидела. Не проронив ни слова, она развернулась и быстро пошла по улице, а я – за ней.

– Подожди! – крикнула я.

Не оборачиваясь, она ускорила шаг. Убегала от меня, как от преследователя.

– Постой! – позвала я. Меня охватила такой силы обида, что не волновало, смотрят ли на нас с любопытством знакомые, будут ли потом судачить, лишь бы догнать ее и узнать, почему она так со мной обращается. Идиотская ситуация, пища для сплетен: мать удирает от дочери. Я поймала краем глаза пялившихся на нас прохожих. Мама тоже их заметила. Она остановилась и с улыбкой подошла ко мне.

– Что с тобой? Разоралась на всю улицу, – тихо произнесла она, не снимая с лица улыбки-маски.

– Почему ты от меня убегаешь?

– Не убегаю, а иду домой.

На ее лице – то же сияние, чтобы никто ни о чем не догадался. «Поддерживаешь имидж невозмутимой и неотразимой, а то увидят и начнут распускать сплетни!» – подмывало меня выплеснуть ей в лицо, но стало ее жалко. Несмотря на ясную улыбку, в ее глазах я увидела горечь и, как мне показалось, вызванную не нашим конфликтом, а чем-то другим.

– Почему домой? Ты же только что приехала, тебя там ждут.

– Ты оставайся, раз уж пришла, а я домой.

– Почему домой? – повторила я.

– Потому что ты здесь.

Ее ответ ошеломил, он был вроде оплеух, которые я получала от нее, когда росла. Я предполагала, что она это скажет, но надеялась, что ошибаюсь.

– Ты меня стесняешься, как будто я убогая.

– Не пори ерунды, – процедила мать, так же не снимая с лица улыбки-заслонки. – Меня напрягает, что ты требуешь к себе столько внимания, тебе не три года. Я сто раз это объясняла.

– Не внимания я требую, а хочу человеческого общения, а ты даже на свои спектакли запрещаешь мне приходить. Всех приглашаешь, а мне, твоей дочери, туда вход закрыт.

– Не запрещаю, а прошу! Меня тяготит, что ты полностью от меня зависишь.

– Полностью завишу? Это как? Я сама зарабатываю, за помощью и советом к тебе не бегу! Скорее это ты зависишь от нас с бабушкой, мы готовим, убираем, все делаем по дому. Ты как в гостинице живешь...

Не следовало ее обвинять, но как еще до нее достучаться!

– Довольно гадко попрекать меня едой, – перебила она. – На вашем иждивении я не нахожусь, вношу в дом свою часть, и немалую. Это не в счет?

– Извини, – буркнула я. – Но, согласись, несправедливо говорить, что я от тебя завишу.

– Разве нет? Ты подражаешь мне, повторяешь мои слова, выдаешь их за свои. Все это замечают.

– Это уж слишком! – взорвалась я. – Ничего я не повторяю, ты сама создаешь обо мне такое мнение, веришь в это, а твои знакомые тебе подпевают и говорят то, что ты хочешь услышать. Похожа я на тебя только внешне, а в остальном нет. Ты постоянно ко мне придираешься. Что ты от меня хочешь?

– Свободы хочу. Пуповина должна быть обрезана при рождении, а не тянуться всю жизнь, – вынесла она приговор.

– Мам, все это уже было миллион раз, давным-давно. Мы крутимся с тобой по одному и тому же кругу, и ничего не меняется.

Вырвалось это у меня непроизвольно, точно шепнули мне

в ухо эту фразу. Сама не знаю, почему я это сказала.

– В смысле? Что было давным-давно?

– Мне так кажется. А ты разве не чувствуешь?

– Мне некогда ребусы разгадывать! – отсекла она. Повернулась и пошла домой.

Я верила до последней минуты, что она разыгрывает сцену: завернет за угол, дождется, когда я уйду, и вернется, но я ошиблась. Она вытащила телефон, набрала, и появилась машина – та самая, которая ее сюда привезла. Кто за рулем, неизвестно – окна тонированные. Но по тому, как мама садилась, поправляя платье, по мельчайшим, никому не видимым, кроме меня, деталям и ее жестам я поняла, что водитель – мужчина. И не просто какой-то мужчина, который довезет ее до места, а потом испарится, а близкий ей.

Она поспешно уехала, спасаясь от меня и не осознав абсурдность своих претензий, а я стояла и смотрела вслед машине, пока та не превратилась в черную точку. В наших с матерью отношениях тоже черная точка. Крутимся мы по замкнутому кругу и будем крутиться вечно, пока не вырвемся. Если вырвемся. Мать этого не понимает. Давным-давно... уже было миллион раз... почему я это сказала? Что-то мелькнуло в памяти и погасло.

Сломался ясный день и превратился в сумрачный, несмотря на чистое небо. Вернусь домой, сяду за мольберт, выдавлю из тюбиков краски, возьму кисть и унесусь в желтовато-голубое небо, сделанное на моем холсте. Буду летать

в нем среди птиц, стряхну с себя все невзгоды и огорчения и подарю маме свободу, о какой она мечтает. Освобожу ее от себя, хотя бы только на картине. У нас связь на всю жизнь – не перерубишь душившую ее ненавистную пуповину, даже если веришь, что перерубил. Мать тоже от меня зависит, хотя уверена, что нет. Скачут эти сумбурно-тяжкие мысли в голове. Они вроде шалей и платков, которые без устали вяжет бабушка, – дернешь шерстяную нитку, а за ней тянутся остальные, целый клубок, и не один. Так и мысли – бегут одна за другой.

Подождав немного в надежде, что мать одумается и вернется, я решила позвонить Норе. Домой пока лучше не возвращаться, надо успокоиться, а то бабушка заметит, что я расстроена, и прилипнет с расспросами: что стряслось, выкладывай. А у подруги я развеюсь. Поспорим с ней, как обычно, об искусстве, о проблемах, поддразнивая друг друга, подкалывая. Мнения у нас не часто совпадают, но дружбе это не мешает. Я вытащила трубку из сумки, но набрать Нору не успела.

– Ловите такси? Могу вас подвезти, я на машине, – внезапно раздалось рядом.

Я обернулась. Тигр! От неожиданности я смешалась.

– С чего вы взяли, что я ловлю такси?

– Минут десять здесь стоите, вот я и подумал.

– Вы за мной следите?

– Слежу, – улыбнулся он.

Откровенность – это трюк, чтобы меня подцепить? Я совсем растерялась. Какой-то механизм внутри меня предупредил: уходи, не твой он человек, согнет он тебя, но я знала, что попалась и никуда не уйду. Так и стояла онемевшей, приросшей к тротуару дурой.

– Я пошутил, не слежу. Вышел на улицу и вас заметил.

Вблизи глаза Тигра казались теплее, чем на расстоянии, – их согрело спускавшееся с неба солнце. Вскоре оно станет багровым и, упав на крыши домов, покатится по ним, вспыхивая красными искрами в глазах прохожих, как на фотографиях. Чего только не лезет в голову в минуты смущения!

– Ну так подвезти вас?

Он лукаво смотрел на меня, как смотрят, когда заранее знают нужный им ответ. Вылитый хищник, играющий с пойманной жертвой, и эта безвольная глупая жертва, не слушая свою интуицию, кивнула: да, подвезите, пожалуйста.

– Меня зовут Стас, – представился он. – А вас?

– Вероника, – ответила жертва и покорно села в его машину – дорогую, комфортную, с мягко обнимавшими сиденьями. Каков владелец, таков и автомобиль.

– Любите театр? – спросил он, когда мы тронулись с места. – Я вас и раньше там видел.

– Люблю, – не раскрыла я все факты. – А вы?

– Я тоже. Вы, случайно, не актриса?

– Нет. Почему вы так решили?

– Так, подумал. Но творчеством, должно быть, занимае-

тесь?

– Да, я художница. А кем вы работаете?

– У меня свой бизнес, строительная компания.

Расспрашивать подробности я не стала, а то решит, что я любопытная.

– Вас отвезти прямо домой или где-нибудь посидим? – предложил он, не теряя времени. – Здесь неподалеку есть приятное кафе. Кормят там прилично.

– Давайте посидим, – согласилась я.

Зачем согласилась, если не собиралась? На меня накатило что-то необъяснимое – я вела себя как юная девчонка: увидела яркого мужчину и потеряла разум. Нутром я чуяла, что непросто будет с ним, характер у него явно сложный, железный, и вряд ли отношения с ним дадут мне то, о чем мечтается, а то, что отношения неминуемы, стало очевидно нам обоим сразу. От него исходили такие воля и шарм, что вся моя осторожность рухнула. Истосковалась я по той самой великой любви, как тургеневская барышня.

Домой я вернулась поздно. Отпирая входную дверь, ожидала увидеть за ней караулившую меня бабушку. «Где тебя носило?» – сердито спросит она. Однако коридор пустовал, и я пролетела по нему «бесшумной совой» на кухню. Выпью воды и незаметно отправлюсь спать, а то начнет моя грозная ба отчитывать за то, что я не удосужилась позвонить, и пришлось ей выпить пузырек валерьянки. Почему-то только жуткие сцены рождаются у нее в голове, если я задержи-

ваюсь. Бабушка ведет себя со мной как сумасшедший родитель, а моя мама – как бунтующий подросток.

Да, я виновата, следовало предупредить, но у меня отшибло память, все уплыло куда-то далеко-далеко. Неурядицы, горести, абсолютно все поглотил этот вечер. Про подобное я слышала, читала, видела во многих фильмах. Ситуация избитая и предсказуемая – так думаешь, если это случается с кем-то другим, а ты наблюдаешь со стороны и посмеиваешься: «Старо как мир». И восторженные рассказы, будто ты знал человека задолго до знакомства с ним, слышишь бесчисленное количество раз. Но накрывает тебя волна, и кажется, что банальщина – это у других, а у тебя то самое единственное, что дается далеко не всем. В тот вечер я поняла, что пропала, не принадлежу больше себе, влюбилась мгновенно в мужчину, которого даже не приняла в первое мгновение. И плевать мне, что будет потом, скрутят ли меня наши с ним отношения, сломает ли меня Стас... пусть ломает.

Какая же я счастливая, хотя и безмозглая! Все вокруг сверкало и танцевало: искры в сине-багровом небе, свет фар машин за окном, огонек искусственной свечи на столе. Свеча – мой подарок бабушке, а то она забывает тушить настоящую. Звенела моя душа, звенели в холодильнике падающие кусочки льда... что-то еще громко звенело и гудело. Доносилось это из гостиной комнаты вместе с гневными восклицаниями бабушки.

– Это просто невозможно, не телевизор, а кошмар! – с воз-

мущением произнесла она, когда я прибежала помочь.

Оказалось, что, случайно нажав не на ту кнопку на пульте, она потеряла любимую передачу и попала на рекламу каких-то приборов – гудящих и звеневших на все лады.

– Давай покажу, как наладить, – предложила я.

– Какой смысл, я все равно забуду.

Сердито отбросив пульт в сторону, она проворчала в который раз, что в старые времена телевизор был как телевизор: всего одна кнопка, включил, выключил, а сейчас это какой-то компьютер, и нет у нее сил это изучать.

– Однако компьютер ты же более-менее освоила и планшетом пользуешься.

– Все равно прогресс – это не для меня. Чем проще, тем лучше.

– Ты еще вспомни, как люди на лошадях ездили и как это удобнее машин и самолетов, – рассмеялась я.

– Ладно, давай показывай, как эта фиговина работает.

– Это легко. Смотри! – сказала я. Вернее, пропела.

– Что с тобой? Все дни ходила как в воду опущенная, а тут вся преобразилась, – внимательно посмотрела она на меня.

– Продала несколько работ, – даже не покраснев, солгала я. С этого момента и началось мое вранье.

Поначалу я не считала это враньем. Я оттягивала рассказывать про Стаса, поскольку все было слишком свежо и зыбко из-за стремительности, с какой начался наш роман. Нет, не роман, это поверхностное слово, звучит как проходная

интрижка, а со мной происходило совсем иное, что-то невообразимое, перевернувшее мою жизнь, мои представления, всю меня. Я обнаружила в себе то, чего, думала, во мне нет – оказалось, что я ревнивая. А вранье началось позже, когда я почувяла, что Стас многое от меня утаивает и манипулирует мной.

– Не в первый же раз продаешь, раньше ты так не свети-лась, – произнесла бабушка. С ее дотошным характером ей надо было в следователи податься.

– Мама дома? – перевела я ее внимание на другую тему.

– Дома.

– Уже спит?

– Нет, сидит у тебя в комнате.

Я обрадовалась. Неужели ждет меня, чтобы извиниться за свою выходку? Однако шевельнулась досада: к матери входить без разрешения запрещено, а она сама запросто врывается ко мне, да еще в мое отсутствие.

Мама стояла около моего рабочего стола и рассматривала лежавшие на нем рисунки. Неожиданно! К моему творчеству она проявляла вялый интерес. Почему – не знаю. Видимо, считает меня бездарностью. Услышав мои шаги, она обернулась. На ее лице, уставшем от долгого дня, ни тени улыбки. Судя по всему, она недавно вернулась. На ней было то же изящное черное платье, в каком я видела ее у театра. На шее – цепочка-волосок, на запястье – волосок-браслет. В ушах золотые капли-сережки. Украшения мать люби-

ла не доминирующие, едва заметные. Я невольно ею залюбовалась, хотя меня смутило, что она разглядывает мои рисунки – среди них лежал незаконченный портрет Стаса.

– Ты что-то ищешь? – спросила я с ноткой укора.

– Нет, рассматриваю твои работы. – Она обежала взглядом комнату. – Я не знала, что у тебя такое количество картин.

– Ты же редко ко мне заходишь, – попрекнула я, хотя ее проснувшийся интерес воодушевил.

– Тесновато здесь, живешь и работаешь в одной комнате, – пропустив мою реплику, произнесла она.

– Я люблю работать дома. У многих художников такие же условия.

– Если у кого-то плохие условия, это не значит, что у тебя должны быть такие же. Тебе нужна мастерская, тогда не придется ездить к клиентам на дом и делать портреты в мастерской друзей.

– Мне так нравится, и друзья не возражают. Я прихожу, когда их там нет.

– Это ты только говоришь, что тебе нравится, – поставила она под сомнение мою искренность. – Думаю, что от просторной мастерской ты бы не отказалась. Я могу помочь. У меня знакомые сдают помещение для художников, оно сейчас освободилось, берут они недорого, с деньгами я помогу. Там все удобства: кухня, ванная, ты даже сможешь там ночевать.

С чего это столь внезапные щедрость и забота?

– То есть ты хочешь меня выселить, чтобы, наконец, от меня избавиться?

– Не говори глупостей!

– Ты же сама так сказала там, у театра.

– Что за дурная манера искажать мои слова! Я этого не говорила.

– Ничего я не искажаю. Ты сказала, что тебе нужна свобода и, – я съехидничала, – ты же мечтаешь перерезать ненавистную тебе пуповину.

– Не упрощай, я имела в виду, что тебе пора перестать держаться за мамину юбку, ты взрослый человек.

– Мам, тебя прямо заклинило на этом. О какой юбке идет речь, если я сама устраиваю свою жизнь, сама зарабатываю.

– Опять ты про зарабатываю! При чем здесь это? Я о другом говорю. Ты, как ребенок, всюду за мной ходишь: куда я, туда и ты. Сегодня явилась в театр, не спросив, не стеснит ли это меня. Так не делается. Я же не прихожу на вечеринки твоих друзей: «Здрасьте, я мама Вероники!» Мать и дочь не могут всю жизнь ходить за ручку. Зачем за мной бегать, если мы дома видимся.

– Ты хоть сама слышишь, как бредово это звучит?

– Ладно, закончим этот бессмысленный разговор. Ты, как всегда, ничего не понимаешь.

– О'кей, поняла, больше не буду нигде появляться и дорогу в твой театр забуду!

– Не ерничай! – одернула она. – А насчет мастерской все-таки подумай и не затягивай, а то помещение уплывет.

– Ты на самом деле хочешь мне помочь?

– Что за вопрос! Конечно, хочу. У тебя столько работ, скоро места для них не хватит. Ты сама говорила, что художнику нужен простор.

– Я про другой простор говорила, не про помещение.

– Не суть важно, – с недовольством произнесла она, разглядев в моем замечании нравоучение. – Кстати, хотела спросить про один рисунок, – она указала на портрет Стаса, – кто тебе позировал?

– Никто, это вымышленный образ, – смутилась я. – Почему ты спрашиваешь?

– Напоминает одного человека.

– Вряд ли, я же его выдумала и рисунок еще не закончила. Когда закончу, по-другому будет выглядеть.

Врать было неудобно, но проще, чем я предполагала.

– Да, наверное, мне показалось, – произнесла мать. По тону ее голоса я поняла, что она мне не поверила. Неужели она знакома со Стасом?

Квартира Стаса, просторная, стильная, современная, выглядела как оформленная напоказ. Осторожность и рассудок я потеряла, но убить во мне художника не под силу даже бушующей страсти – меня покорили картины на стенах. Не сами картины, а то, что их подбирали под цвет диванов,

кресел и постельного белья в спальне. «Дизайнер выбирал, чтобы все сочеталось», – сказал Стас. Царапнуло разочарование, что не во всем мы с ним совпадаем – вкусы у нас разные, а хотелось верить, что мы как две одинаковые скульптурки из одной и той же формы для литья. Разочарование тут же погасила: не надо мне придирааться. Не буду навязывать ему свое мнение и советовать покупать картины не под цвет мебели. Пускай украшает свое жилище, как хочет. Не все повесят у себя дома шедевр, если он не радуется.

Обстановка в его квартире безукоризненная, но мертвая.

– Идеальная чистота, – похвалила я. – Кто все это убирает?

– Одна женщина приходит.

– Квартира выглядит совсем новой.

– Она и есть новая, я недавно ее купил. – Он улыбнулся. – Поможешь мне ее обжить?

Сама не ожидала, что с невероятной скоростью, не успев себя удержать, я, как под гипнозом, залезу в ловушку – иначе не назвать нахлынувшую на меня бурю чувств. Ловушка не сравнимая ни с чем, что было у меня прежде, – упоительная, наполненная страстью и страданиями. Даже в страданиях я черпала счастье. Я могла бы заполнить эпитетами целую страницу, но все равно не сумела бы передать в полной мере то, что испытывала. Сколько всего написано и создано о любви, все про нее известно – поле это вспахано-перепахано, как и искусство. Так я считала, пока не потеряла голову. Если

любишь сердцем, венами, нервами, всем, из чего состоишь, если трепещет каждая жилка внутри тебя, когда видишь любимого, то веришь, что только тебе известно, что такое любовь. И не важно, если это иллюзия, если «поработил» душу созданный тобой в уме образ – любовь внутри тебя, она тебе принадлежит, она твое детище.

От Стаса я сходила с ума: от звука его голоса в трубке, от его голубых глаз – холодных на людях и теплых, когда он был со мной; от его рук, сильных, крепких – с какой нежностью обнимали меня эти руки! По утрам я просыпалась с мыслью: скоро его увижу. Если он был занят, все дни ждала с тревогой: вдруг снова что-то ему помешает. Ожидание – самое невыносимое: то какие-то непредвиденные обстоятельства, то аврал в его компании. Подробно о своей компании он не рассказывал, ограничивался кратким «строительная», еще сказал, что он инвестор, но уточнять не стал, а я не лезла с вопросами, поскольку заметила, что вопросы он не особенно любит. Да и не столь важно, что он строит и инвестирует – лишь бы он всегда был рядом. Страсть к нему поглотила меня, превратила в одержимую и слепую. Любовь к матери, запертая внутри меня, не находящая отклика, неудачные отношения с бывшим бойфрендом вылились в любовь к Стасу. Положительным было только одно: я стала спокойнее реагировать на придирки мамы, и она, заметив это, тоже слегка притихла. Я часто ловила ее пытливый взгляд, но, верная себе, она ничего не спрашивала – чем меньше знаешь, тем

проще, никакой ответственности, как она проговорилась однажды.

Любовь к Стасу – стихия, сметающая все на своем пути. Любовь-болезнь. Осознала я это довольно быстро, однако не могла ничего с собой поделать.

– Он точно женат, – заключила Нора, когда я наконец все ей рассказала. До этого я довольно долго хранила свой секрет.

– Нет, этого не может быть, я бы тогда догадалась, – слышала я. У меня самой мелькали подозрения, но я их гнала и уговаривала себя, что накручиваю, нельзя быть столь мнительной. Самоуспокоение плоховато действовало. Когда все чувства обострены до предела и ловишь все тонкости в поведении любимого, не только мнительным становишься – проницательным тоже. Не путать бы одно с другим.

– До чего ж ты наивная! Все улики налицо. Смотри, по уик-эндам он занят, бесконечные проблемы на работе, со своими друзьями он тебя не знакомит, про его родителей вообще молчу. Он хоть сказал, кто они такие?

– Они пенсионеры, живут в Новосибирске, – промямлила я.

– Не мешало бы проверить, мало ли что он наплел. Мутный он. Ты бы в Интернете порылась.

– Рылась, но там только его однофамильцы, я особо и не искала, противно было слежкой заниматься.

– Это не слежка, а разумный подход. Я уверена, что он

там есть, тем более если у него свой бизнес. Сейчас все в соцсетях.

– Не все, меня там нет.

– Дремучая ты все-таки, отстала от времени. Без соцсетей себя не раскрутить, я тебе сто раз это говорила. Наверняка Стас понимает это лучше, чем ты. Спроси у него в лоб, в каких он соцсетях. Скажи, что ты его нигде не нашла.

Доказывать ей, что я не дремучая, у меня другой подход, я не стала. Сколько бы мы ни спорили, переубедить друг друга не сможем. Пусть считает, что я «пещерный человек».

– Не буду спрашивать, ему не понравится, что я его проверяю.

– Конечно, проверяешь. Он должен это понимать, сам же наверняка всех проверяет. Еще неизвестно, чем он занимается, и про свою фамилию мог наврать, раз ты его не нашла. Может, он бандит.

– С какой скоростью ты сделала вывод: женат, врун, бандит. На бандита он совсем не похож, – не согласилась я.

– Ты считаешь, что у всех бандитов тупые и страшные рожи? Сейчас новая волна, они лакированные и рафинированные, – хохотнула она.

– Никакой он не бандит, а бизнесмен.

– Таинственный бизнесмен, таинственный бизнес, прямо конспирация, как в триллере, – с иронией заметила Нора. – Ты ничего про него толком не знаешь. Вы даже встречаетесь на чужой квартире.

– С чего ты взяла? Это его квартира.

– Ты сама говорила, что помещение там как нежилое. Темнит он, – продолжала подруга вправлять мне мозги.

– Как ты можешь это утверждать, если ни разу его не видела, – слабо возразила я.

– Ты сама это знаешь. Помнишь, что сказал классик про самообман? Надо все выяснить. Неизвестно, с кем ты связалась.

– Не буду ничего выяснять, я счастлива, а остальное не имеет значения.

– Счастлива – это не когда сидишь с кисляком на лице и не ждешь, как идиотка, придет – не придет, позвонит – не позвонит.

– Зря я тебе все рассказала, – рассердилась я. – Столько негатива вылила, да еще и бандит! Ты же его не знаешь.

– Так познакомь нас. Я вмиг его раскушу. Хочешь, найду всю инфу про него, раз у тебя не получилось? Это проще простого.

– Не надо ничего искать, – отклонила я.

Разговор с подругой окончательно испортил мне настроение. Несмотря на мой взбрык, в душе я с ней согласилась. Подозрения, что Стас меня обманывает, возникли не сразу. Первые время я, одуревшая и ослепленная, летала наподобие персонажей картин Шагала. Сделанные в этот период работы отражали мое летающее состояние – родились неожиданные для меня самой идеи. Могу поспорить с теми, кто

утверждает, что лучшее создается в период мук. У меня получилось наоборот: счастье, а я считала это счастьем, дало мне невероятный толчок, сдвинуло с места, повело меня как художника в новом направлении. Я трудилась без усталости и часто по ночам, а днем при первом же звонке Стаса: «Приходи!» – мчалась к нему. Позже, когда раскрылся его обман, я сидела в своей комнате-мастерской, забросив кисти, краски, карандаши, и мои работы, некоторые незаконченные, смотрели на меня с укором. Страдания нисколько не вдохновляли на творчество – напротив, они отнимали силы и желание что-либо делать. Я настолько в них погрузилась, что иногда казалось, что я ими упиваюсь. Есть в жалости к себе такой момент.

На следующий день после разговора с Норой я поплелась к очередному клиенту. Именно поплелась – шла с неохотой. От дурных предчувствий все внутри меня ныло и болело. Перенести встречу с клиенткой я себе не позволила – должна зарабатывать. Если бы я вдруг осталась без копейки, к матери ни за что не обратилась бы за помощью. «Я же говорила, что ты от меня зависишь!» – произнесла бы она с торжеством.

Портреты на заказ приносили неплохой дополнительный доход. Ну да, халтурка, зато на нее спрос, а с иллюстрациями сложнее: то заказ есть, то нет. С картинами та же история: то продашь, то нет, все переменчиво. Нора давно подбивает меня заняться рекламой, как и она. Уговаривает, что де-

ло это денежное, увлекательное: постоянно меняются тренды и веяния, время несется вперед, требует новых смелых решений. Но меня больше привлекают портреты. По фотографиям я их не делаю, это скучно. Предпочитаю живое общение, тем более что мне везет: среди моих клиентов немало своеобразных личностей. Сегодня встреча с новой клиенткой – она на днях позвонила, сказала, что ей меня рекомендовали и она хочет заказать портрет. Голос у нее глубокий, переливчатый, и, пока я ехала к ней, развлекая себя, лепила в уме ее внешность. Ее грудной голос почему-то ассоциировался у меня с женщиной средних лет, крупной, с приятным округленным лицом и черноволосой. Навоображала я невесть что, но в цель частично попала: клиентка примерно лет сорока, фигуристая, полноватая, чуть ниже среднего роста, лицо приятное, но не круглое, а волосы в самую точку – черные.

– Марго, – протянула она мне руку, всю в кольцах. На каждом пальце по два кольца.

Вроде приветливая, вроде приятная, но напрягал ее испытующий взгляд. Как будто она пыталась определить, хороший ли я художник, не зря ли обратилась ко мне.

– Вы говорили, что хотите портрет карандашом. Реалистичный и черно-белый? – решила уточнить и заодно заверить, что желание клиента для меня закон и я не стану, как кубист, дробить ее лицо на геометрические фигуры или рисовать что-то непонятное. Клиенты, как правило, просят не

искажать их внешность, только если покрасивее их изобразить.

– Да, карандашом, но в цвете. Мне нужен портрет юной девушки.

Я ожидала, что она, как большинство заказчиков, попросит изобразить ее помоложе, но не предполагала, что до такой степени моложе.

– Еще я бы хотела, чтобы девушка сидела на фоне экзотических цветов, таких, как на ваших картинах.

– Вы видели мои работы?

– Да, в Интернете и на одной выставке. Мне там очень понравилась ваша картина с цветами. Вы пишете цветы с натуры?

– В основном выдумываю, хотя с натуры иногда пишу.

– Очень хорошо, изобразите какой-нибудь сад, пусть портрет будет как фантазия.

Впервые слышу подобное пожелание. Это вдохновляло – не держало меня в строгих рамках. Посажу Марго на лужайку среди сюрреалистичных цветов, и их гибкие стебли обкрутят ее пальцы вместо колец.

– Давайте я вначале сделаю эскиз, а то вдруг вас что-то не устроит, – предложила я.

– Не стоит, доверяю вашей фантазии, она же у вас достаточно богатая, – со странным смешком произнесла она.

Намекает на что-то? Опять меня заносит. Моя суперчувствительность все портит, делает подозрительной. Марго

просто неудачно пошутила.

– Рада, что вы мне доверяете, – игнорируя ее смешок, ответила я.

Пока я все подготавливала и раскладывала, она расспрашивала, что я окончила, замужем ли, есть ли дети. Излишнее любопытство мне неприятно. Ее сверлящий взгляд и град вопросов начали надоедать. Выпытывает что-то или такая у нее манера заполнять паузы вопросами?

– Можем приступить. Вы готовы? – оборвала я допрос.

– Готова, – и позвала кого-то: – Крис, иди сюда!

В комнату вошла девочка-подросток.

– Это Кристина, моя дочь, – представила ее Марго. – Это она будет вам позировать.

Непонятно, почему сразу не сказала про дочь. Хотя такой поворот меня устраивал – как натурщица ее дочь подходила намного больше. Миниатюрная, с бледно-прозрачным лицом, она казалась воздушным созданием, таким бескрылым эльфом, но эльфом-инвалидом: ее правая рука, сухая и безжизненная, беспомощно висела вдоль тела.

– Я вас оставлю. Если что, зовите, – произнесла Марго и ушла.

Ее дочь стояла посреди комнаты с безучастным видом. Затея с портретом ее явно не привлекала. Желая ее подбодрить, я заверила, что не придется ей позировать, как каменной, боясь пошевелиться, мы можем болтать и, если она устанет, сделаем перерыв. Вяло кивнув, она спросила, куда са-

диться.

– Вон туда, поближе к свету.

Она опустилась на стул. Уставилась в окно и застыла, как скульптура, несмотря на мои слова, что каменной быть не обязательно. Чтобы дать ей расслабиться и снять с нее зажатость, я спросила, нравится ли ей идея сделать ее портрет на фоне цветов.

– Мне без разницы.

– Не любишь цветы?

– Люблю, но их все кому не лень рисуют.

– Все рисуют по-разному. Твоя мама попросила сделать цветы необычными.

– Зашибись! – прыснула она. – Неужто такие, как у Джоргии О'Кифф?¹

– Ты знаешь Джоргию О'Кифф? – удивилась я.

– Знаю, у нее прикольные картины, а мама их терпеть не может.

– Ты интересуешься искусством?

– Что за цветы вы собираетесь рисовать? Ромашки и васильки? – не ответив, хмыкнула она.

– Мои собственные.

– Выдуманные?

– Скорее утрированные. А какие еще художники тебе нравятся?

– Мне мало кто нравится, – ответила она и отгородилась.

¹ Джоргия О'Кифф (1887–1986) – американская художница.

Замкнутая и настороженная девочка. Свет из окна, падая на ее бледное лицо, побелил его еще больше и усилил ее внешнюю хрупкость. Выглядит ранимой, прикрывается насмешками, а в душе, похоже, сильнее, чем кажется.

– Начнем? – спросила я.

– О'кей. – Она выпрямилась и замерла, точно я все-таки приказала ей не двигаться.

Чтобы она чувствовала себя комфортнее, я придумывала темы для разговора. Она отвечала – лаконично, с тем же хмыканьем, но охотно, и мне удалось составить о ней более объемное мнение: крепкая, вдумчивая, но ершистая. В ней также угадывалась печаль – возможно, из-за ее безжизненной руки.

Вскоре ей наскучило болтать, и следующие полчаса прошли в молчании. Нарушать его я не стала – пусть будет тишина, если ей так легче. Натурщицей она оказалась идеальной: застыв, сидела в одной и той же позе и смотрела в окно. А за окном полз по небу клочок жидкого облака. Полз, полз и растаял.

– У вас есть сайт? Хочу посмотреть ваши картины, – прервала она молчание.

– Есть. Правда, я его давно не обновляла, но мои работы можно найти в Интернете.

– В соцсетях?

– Нет, на разных сайтах. В соцсетях меня нет, я держусь в тени. Как говорит моя подруга, я отстала от времени, сейчас

там все, а я не люблю.

– Мой папа тоже не любит. Если бы не его бизнес, он бы там не крутился, а моя сестра с утра до вечера там торчит. Когда Интернет не работает, у нее истерика.

– Она тебя старше, младше?

– Старше на четыре года, мне тринадцать.

– У тебя есть друзья? – спросила я, перейдя черту, за которую обычно не переступаю со своими клиентами. Личных вопросов им не задаю. Но эта девочка меня чем-то тронула, и мне хотелось узнать ее получше.

– У кого их нет?

– Бывает, что их нет.

– А у вас есть?

– Есть.

– Та подруга, которая говорит, что вы отстали от времени?

– Не только, есть еще друзья, а моя подруга, кстати, тоже художница.

– И тоже рисует цветы? – снова хмыкнула она.

– Нет, логотипы.

– Круто, – сказала Кристина, опять не ответив на мой вопрос.

Несмотря на ее ершистость, в чем-то показную, девочка вызывала симпатию. В ней чувствовалась одиночка – не в смысле, что всеми брошенная и без друзей, а сама по себе. Одиночка по своей сути. Впрочем, любой человек, кем бы он ни был, всегда одинок... Опять ненужные рассуждения

забивают голову. Толку от них ноль. Ну пофилософствую я, а дальше что? Ничего от них не меняется.

– Я тоже хочу уметь рисовать. Научите? – спросила Кристина.

– Научу, если твоя мама не будет возражать.

– Она будет, поэтому я вас прошу. Она отказывается нанять мне учителя рисования, говорит, что мне это не нужно.

– Ты хочешь стать художником?

– Хочу попробовать. Так вы научите меня рисовать?

– Давай позже это обсудим, – увильнула я.

Вмешиваться в личную жизнь клиентов не в моих правилах. Мое дело прийти, выполнить свою работу, любезно поболтать о какой-нибудь ерунде и уйти. Разочаровывать Кристину не хотелось, но ситуация щепетильная. Вести с ней уроки за спиной матери исключалось.

– Если вы думаете, что у меня не получится из-за моей руки, я умею все делать левой. Я могу к вам приезжать и платить буду, деньги у меня есть, папа мне дает и не проверяет, на что я их трачу. Я немало накопила.

– Дело не в этом...

– Как продвигается работа? – не дала мне закончить Марго. Войдя в комнату, она прямиком направилась к портрету. Критически поизучала его минуту и сказала, что получается неплохо, но цветы следует сделать ярче.

– Сделаю, это только начало, – взбрыкнулась я про себя, но виду не подавала. С клиентами приходится держать себя

в руках, а то выгонят, не заплатив. Зарабатывать бы только чистым искусством, без чьих-либо указаний и требований, быть свободным художником и творить, творить, творить! Нравится – покупайте, не нравится – не покупайте. Когда-нибудь так и произойдет. «Дуреха-мечтатель», – сказала бы Нора.

– Удастся закончить портрет сегодня? – спросила Марго.

– Да, если Кристина не очень устала.

– Ты устала? – спросила Марго дочь и, не дожидаясь ответа, сказала: – Хорошо, сделаем небольшой перерыв, пусть Крис отдыхает, а я пока покажу вам свою коллекцию кружек. Мы с мужем часто ездим за границу, и я везде их покупаю. У меня есть уникальные, в единственном экземпляре, мы за них кучу денег выложили, но они того стоят.

Она привела меня в столовую – широкую, с мебелью под старину: смешение стилей и веков. Резные стулья и стол с изогнутыми ножками в форме звериных лап, толстопузый буфет, все позолочено, посеребрено. И висит над всем этим гора острых блестящих льдинок – хрустальная люстра. Такая тяжеловесная и огромная, что невольно подумалось, не сорвется ли она вниз. Свалится и засыплет льдом дорожную мебель.

Во мне мгновенно встрепенулся сюрреалист. Перенести бы эти стулья с лапами на холст и переделать их в львов – будут такие стулья-звери! И вся мебель – зоопарк! Идеи летают в воздухе, путешествуют по земному шару, по всем стра-

нам и островам, и наверняка кто-то где-то уже сделал это до меня. Кому-то удастся схватить пролетающую мимо идею, а если прозевает, другой схватит. Получается, что новаторство – дело случая: кто опередит других, тот и новатор.

– Не правда ли, красота? – сказала Марго, распахнув дверцы буфета.

На полках стояли кружки – всех размеров и форм, с картинками, надписями, названиями городов и стран, в которых побывали Марго с мужем. Своего рода летопись их путешествий. Снимая с полки одну кружку за другой, она показывала мне, что на них изображено, где они их приобрели.

– Как вам моя коллекция? – спросила она.

Я похвалила, и вполне искренне.

– Давно вы их собираете?

– Уже много лет. Сейчас модно что-то коллекционировать, самое популярное – это куклы, но мне это неинтересно, они есть у всех, особенно Барби. Я не собиралась этим заниматься, случайно получилось, мы с мужем отдыхали в Испании и купили там на память пару кружек, ну а потом пошло-поехало. У меня есть уникальные, вот как эта, видите, за нее муж выложил целое состояние. Денег он не жалеет, выполняет все мои желания. Вы не представляете, как мне с ним повезло, – тараторила она.

– Повезло, – кивнула я.

– Мы с ним живем душа в душу почти двадцать лет. Дочек своих он обожает, для нас он готов на все. Мы с ним вме-

сте еще со студенческой скамьи, и, представляете, ни разу не поссорились. У нас одинаковые вкусы и интересы, и секс с годами не только не завял, а стал лучше, а это нечасто бывает, столько пар из-за скуки в постели разводятся.

– Вам можно только позавидовать, – произнесла я дежурную фразу. Непонятно, зачем она рассказывает интимные подробности незнакомому человеку.

– Мне и завидуют, – рассмеялась она. – Некоторые даже норовят моего мужа украсть.

– Вряд ли им удастся, раз у вас такой крепкий брак, – выдала я очередную банальщину.

Слушать историю ее любви и про то, какой потрясающий у нее муж, поднадоело. Мне не терпелось побыстрее закончить портрет, и именно сегодня, чтобы больше сюда не возвращаться. Наигранное поведение Марго и ее колющий взгляд напрягали. Жаль только, если больше не увижу Кристину.

– Вы правы, украсть у меня мужа никому не удастся, он от меня никогда не уйдет, тем более сейчас, когда мы планируем сына. У нас уже две девочки, теперь настала очередь мальчика. Все меня отговаривают, пугают, что в моем возрасте рискованно рожать, а я не боюсь. Мой муж так меня любит, что мне ничего не страшно, – продолжая смеяться, строчила она.

Ее беспричинный режущий смех и поток излияний досаждали. Мнение о ней у меня скакало. В первую минуту она показалась мне сдержанной и нормальной женщиной, затем

– излишне любопытной, а сейчас болтливой и неадекватной.

– Кристина, наверное, нас заждалась, – поторопила я.

– Да-да, сейчас пойдем, я только хочу показать вам кое-что, это подарок мужа на нашу годовщину, здесь наша фотография.

Она вложила мне в руку кружку. Я глянула на фотографию, и... мое сердце дрогнуло и разорвалось на части. Случилось то, чего я со страхом давно ждала – все рухнуло и скатилось в пропасть. Марго пристально смотрела на меня с насмешкой. Затея с портретом ее дочери, откровенности про ее нерушимый брак с мужем, демонстрация коллекции – это спланированный спектакль, чтобы меня унижить и сказать, что Стас принадлежит ей, а не мне. Она права: он – не мой и никогда им не был.

– Что скажете? – усмехнулась Марго.

– Я пойду, – сказала я, чувствуя себя оплеванной. «Сама виновата», – осудила бы моя мать.

– А как же портрет? Надо закончить. Скоро мой муж придет, надо бы его спросить, что он думает, заодно познакомитесь с ним. Не сомневаюсь, вы понравитесь друг другу. Возможно, вы даже где-то с ним встречались, – продолжала она глумиться надо мной. – Не встречались?

– Мне пора, я пойду, – промямлила я и двинулась к выходу.

В коридоре стояла Кристина – бледная, прозрачная, как невесомая. Неужели все слышала и догадалась? Или поняла

по интонации голоса своей матери, что между мной и Марго происходит что-то гадкое? Скорей всего, мне мерещится от отчаяния. Но глаза Кристины, голубые, как и у ее отца, говорили о том, что не мерещится. Ни в чем я не уверена, все как в дыму. В голове только одна четкая мысль: надо поскорее отсюда удрать, пока не вернулся Стас.

Я множество раз представляла себе сцену разоблачения. Проигрывала ее в уме в разных вариантах – один хуже другого. Не всеобщего осуждения я боялась, с этим я бы справилась, да и плевать на осуждение. Я боялась потерять Стаса. То, что он женат, я вычислила довольно быстро, и меня терзала мысль, что он меня бросит – никогда не оставит свою семью, как заявила мне с издевкой Марго. Ради этого она меня сюда заманила под предлогом портрета. Ложь Стаса меня съедала, терзала, возмущала, но я готова была все простить и принять ситуацию такой, какая она есть, лишь бы не расставаться с ним. И бунтовала моя совесть: нельзя воровать чужое. «Я же не знала, что он женат», – спорила я сама с собой. «Теперь же знаешь, но не хочешь от него отказаться», – стыдила я себя. Меня кидало из крайности в крайность: готова была порвать с ним и освободиться от лжи, но, представляя свою жизнь без Стаса, ничего не делала и не признавалась ему, что обо всем догадалась. Пусть остается так, как есть, тогда не придется принимать мучительные, непосильные решения. Любовь-страсть меня поработила, а я хотела быть свободной. Сейчас открою входную дверь и, скинув с

себя несвободу, навсегда уйду, должна уйти, должна.

– Не получается открыть? – раздался за спиной насмешливый голос Марго. – Надо повернуть ключ.

– Да, да, – пролепетала я.

Одновременно с моим лепетом дверь распахнулась, и в квартиру вошел Стас. Посмотрел на меня, как на незнакомку, которую видит впервые, и безразлично поздоровался. Ни один нерв не дрогнул на его лице. Глаза равнодушные, прохладные, без глубины и теплоты, когда он был со мной. Он тоже был незнакомцем – не любимый человек, а играющий роль артист.

– Это Стас, мой муж, а это Вероника, – со смехом представила нас друг другу Марго.

– Извините, – пробормотала я и выскочила на лестничную площадку. И только в метро вспомнила, что в спешке забыла свои рабочие инструменты. Ну да ладно, не бежать же за ними назад, куплю новые!

Я надеялась, что Стас позвонит, оправдается, что-то объяснит. Его отчужденный взгляд говорил о том, что я ему – никто, семья дороже и не станет он переворачивать свою жизнь из-за какой-то временной любовной интрижки. Не делай поспешных выводов, начала я себя убеждать, он растерялся, не хотел скандала в присутствии дочери, не мог же он броситься ко мне с объятиями. Внезапно меня осенило: он подумал, что я явилась к Марго с целью их развести. Надо срочно написать ему, что произошло в действительности,

что я не действовала за его спиной. С трудом себя остановила, чтобы не написать.

Пока покачивалась в вагоне метро, перемалывая одно и то же, пристал какой-то наглый парень с противной рожей. Отшив его, я вышла из метро. Краем глаза проверила, что этот придурок не тащится за мной. На всякий случай вытащила из сумки газовый баллончик. Сжимая его в руке, направилась к дому. Шла и внушала себе, что не рыдать надо, а ликовать – наконец-то я свободна, не придется больше врать матери и бабушке, жить под страхом быть брошенной. «Ура, я свободна!» – кричала я про себя, но крик звучал слабенько. Молчание Стаса убивало. Выходит, его не тревожит, конец ли это наших отношений. Раз конец, так тому и быть.

Разбитая, с застрявшим в горле комом слез, я вошла в квартиру. Из кухни доносился недовольный голос матери. Она отчитывала за что-то бабушку. Срывала на ней свои неудачи дня.

– Что здесь происходит? – спросила я.

– Ничего, пустяки, – сказала мама.

Однако бабушкин похоронный вид говорил о том, что ссора серьезная. Обычно непреклонная и решительная, в этот раз она выглядела раздавленной.

– Не похоже, что пустяки, – вспыхнула во мне защитница. – Я же вижу, что бабушка расстроена, ты опять ее обижаешь.

– Это не я, а она меня обижает! Я попросила ее посидеть

завтра вечером часа два в своей комнате, пока у меня будут гости, а она заявила, что я ее оскорбляю.

– А разве это не оскорбление – запирать родную мать в комнате, как в камере? Ты так ее стыдишься? – заклокотала я от обиды за бабушку и от нестерпимой боли в сердце. «Стас», – стонало все внутри.

– Опять двадцать пять! Тебя послушать, так я всех стыжусь.

– Как еще это назвать? На твои спектакли нам ходить запрещено, а теперь уже из комнаты выходить нельзя. Может, еще в кладовке нас запрешь?

– Не говори глупостей! Я всего лишь попросила посидеть недолго в комнате. Неужели это так сложно? Придут важные люди, мне необходимо переговорить с ними наедине.

– А в туалет бабушке можно будет выходить? Или ночным горшком пользоваться? – съязвила я.

– Не смешно, – поморщилась мать. – Почему такая невинная просьба воспринимается в штыки?

– Мне тоже спрятаться вместе с бабушкой?

– А-а, бессмысленно что-либо говорить! Вы обе глухие! – Мать махнула рукой и ушла.

– Не расстраивайся, ба. Не бери в голову, – бросилась я утешать. – Ты же знаешь мамины закидоны, завтра она извинится.

– Да уж, извинится она! Ладно, так уж и быть, посижу в комнате, – обреченно произнесла бабушка.

– Тогда я с тобой вместе посижу, телевизор с наушниками будем смотреть, чтобы не выдать своего присутствия, – попробовала я обернуть все в шутку. Мне удалось – бабушка улыбнулась.

– У тебя все в порядке? – спросила она. – Какая-то странная ты, дерганая.

– Все нормуль, устала, много работы.

Завралась я окончательно. Надо бы записывать свои сочинительства, чтобы не запутаться в них. Умасливаю свою совесть тем, что иногда ложь идет во благо – лучше соврать, чем рубануть правду-матку и причинить человеку боль. Мои признания бабушку бы убили. Она – не из тех моралистов, которые всех поучают, а сами творят, что им вздумается. В свои «проповеди» о честности и справедливости она свято верит и следует своим правилам. Для нее роман с женатым человеком – колоссальный грех, поэтому рассказывать ей ничего не буду, да и нечего рассказывать – все закончено. С этим роковым словом «закончено» я вошла к себе.

Моя комната – это моя келья, оторванная от мира за окном. Вхожу, и мои работы оживают, приветствуют меня. Среди них я ощущаю себя сильнее, увереннее. Они – это я. Частица меня осталась и в доме Стаса, в незаконченном портрете Кристины. Частица и в портрете самого Стаса, который я прячу от матери. Разумнее держать его в папке, раз она что-то смекнула. Перед сном, когда затихала наша квартира, я вытаскивала портрет. Мне удалось передать выраже-

ние глаз Стаса. Только одна я видела в них глубину и нежность. Да нет, не одна – Марго тоже. Обнимая ее, целуя, он смотрит на нее точно так же, как и на меня, а вероятнее всего, с еще большей нежностью, потому что она его спутница по жизни, а я – игрушка-развлечение: позабавился, наговорил кучу фальшивых ласкостей и бросил. Меня сжигала ревность – несвойственная мне, незнакомая до появления Стаса. Ревность не уступает любви по силе и даже помощнее будет. Она рвет меня на куски, вызывает отчаянные, крайние мысли. Иногда думаю, что ревность к любви не имеет отношения – темное, не нужное мне чувство. Даже опасное – не ты ревность контролируешь, а она тебя.

Я положила портрет Стаса назад в папку – хватит себя терзать, лучше поработаю. Моя задача творить, а не страдать. На столе большой лист бумаги и карандаши – всех цветов, с остро отточенными кончиками-иглами. Раскручу свою фантазию до отказа, влечу в работу всем своим существом и стану одним из нарисованных мной цветов – не тех, что растут на лугах и на клумбах, а нереалистичных. Я взяла карандаш, коснулась его кончиком бумаги и остановилась. Из комнаты бабушки донесся настороживший меня звук. Стены у нас хлипкие, ничего не утаить.

– Ты плачешь? – вошла я к бабушке. В отличие от мамы, дверь в свою комнату она держала открытой.

– Нет, – не призналась она, но ее выдавали мокрые, покрасневшие глаза.

Сникшая, ссутулившаяся, она сидела на кровати. За осанкой она всегда следила и меня учила, — а ну-ка выпрямись! — а сейчас согнулась, словно ссора с мамой посадила на ее спину горб. Глядя на ее лицо с разбежавшимися по нему морщинами, на ее кисти рук с синеватыми венами (а я не замечала вены раньше), на дряблый мешочек кожи, висевший под ее подбородком, мне стало больно. Я с малых лет настолько привыкла, что моя кремень-бабушка никогда не разваливается, держит себя в форме, что казалось, она вечно такой будет. Даже в пожилом возрасте она следила за собой, не позволяла себе раскисать, а сегодня развалилась. Всего лишь одно неосторожное слово способно пошатнуть даже сильных духом. И шарахнула мысль: бабушка может покинуть нас с мамой в любую минуту, а я, эгоистка, не об этом думаю — трясусь, как бы не потерять женатого и чужого мне человека, а не родного, как она.

Я обняла ее и повторила, что мама завтра остынет и не стоит обращать внимания на ее фокусы.

— Не остынет, — покачала головой бабушка. — Она меня стыдится, считает меня заурядностью.

— Она так не считает. Мало ли что она говорит в запале. За что ей тебя стыдиться? Ты у нас добрая, заботливая, труженица, на работе тебя ценили, ученики тебя любили, друзья тебя любят...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.